

ТВОРЧЕСТВО

ЭДУАРД ЕФРЕМОВ

ПОЗНАНИЕ ЛЮБВИ

Он так и ушел из жизни, никем не понятый, ожидавший гармонию встречи с любовью высокой, чистой, которую воспевали рыцари Средневековья, или ту, от которой внеземными ангелами становились героини тургеневских романов или воспитанные в духе Татьяны Лариной или Наташи Ростовой.

Te, кто рядом был с Георгием Акатовым, вдруг неожиданно для себя открывают сейчас такую его теорию познания любви к человеку и миру, которой ни в романах, ни философских трактатах не встретишь – но она была рядом. Просто ее мы не заметили и не поняли.

С Еленой Евгеньевной Михайловой договорились встретиться в фойе главного корпуса университета. Назначенное время совпало с окончанием студенческих занятий – пространство обозначенной встречи мгновенно заполнилось спешащими молодыми людьми, почтенными преподавателями, профессорами и доцентами. Как в этой многоликой толпе определить человека, с которым не знаком? И... безошибочно направляюсь к спускающейся по лестнице даме. Перед этим смотрел рисунки Георгия Акатова, среди которых был дружеский шарж – милая женская головка. Но суть не в ней, а в какой-то невероятной передаче выразительности взгляда. И вот я с этим взглядом встретился – она!

Произошло сенсационное открытие – обнаружены высоко художественные картины, написанные человеком, которого все знали как талантливо занимающегося информатикой и программированием. Елена Евгеньевна работала с Акатовым в вычислительном центре и подбирала за ним выброшенные в мусорную корзину различные почеркушки, рисунки...

– Наброски делались на перфолентах, специальной бумаге для тогдашних вычислительных

«агрегатов». Нас всех поражала точность изображаемого, предельное совершенство в передаче характера любого нашего сотрудника, любой исторической личности...

Помню, однажды осенью поехали коллективом «на картошку». Моя подруга, как и все мы, в фуфайке, спортивном старом трико с начесом, закутана в платке... Вышли в поле. Она, типичнейшая «колхозница», села на мешок с картошкой, а через минуту ей Георгий протянул набросок, сделанный шариковой ручкой... Не уставшая не известно от чего «колхозница» на мешке, а... королева, восседающая на троне! Как он смог из наверченного тряпья увидеть ее фигуру, стать и, действительно, редкостную красоту...

Вскоре поняли, что для этого молчаливого и застенчивого Акатова не существует не разрешимых задач –правлялся с заданием любой сложности. Очень любил литературу, поэзию, живопись, музыку... Все деньги тратил на альбомы, книги, пластинки. Обо всём имел свое оригинальное суждение, основанное на фундаментальных знаниях... Воспитанный на возвышенном и изящном, он робел перед женским полом, желая видеть в каждой из нас только богиню. Разговоры – или только о работе,

или о возвышенном, высоком искусстве... Писал для нас шуточные стихи. Что-то удалось сбреечь, и более серьезное, нежели «по случаю 8 марта».

Увлекавшимся «имажинизмом», «футуризмом», «символизмом» и прочими измами-выкрутасами в поэзии, Георгий моментально демонстрировал, как это легко делается... И у него получались такие зауми, что бурлюки, шершненевичи, хлебники и рядом не стояли!

Я не сторонница различных «современных поисков» в живописи. Но видели бы вы, как на наших глазах это «современное искусство» творил Георгий! Разработал свою технику и объяснял, как надо смешивать краски, чтобы они обретали особую «философию» и «сказочность». Потрясающе ювелирная работа! Мастерская техника художника! Не это главное. Главное – классика.

Человечество всегда в искусстве стремилось к изображению возвышенного. И это стремление нельзя предавать...

Интересно было за ним наблюдать. Рисунок всегда начинался с какой-либо детали. Узорчик появляется, вензель... Дальше – рукав прорисовался, мундир, целая батальная сцена или «знакомство на придворном балу»...

...С этим странным «героем» не из нашего времени мы в 1962–1967 годы учились в университете параллельно: он – на математико-механическом факультете, ваш покорный слуга – на филологическом. Георгий Акатов как бы приглядывался к тому или иному студенческому собратству, но ни к кому по серьезному не примыкал. По касательной – с поэтами, бардами, художниками, альпинистами и туристами... Робковатый, не коммуникабельный – в принципе, в памяти не остался. Ушел с головой в науку. Голова работала так, что даже в соседних отделах завода «Электросигнал» инженеры толком не знали, чем занимается «сверхзасекреченный» Акатов. Сотрудничал в вычислительном центре госуниверситета. Круг интересов – информатика и программирование.

Спутницу жизни, Елену Сазанову, встретил слишком поздно. Пять лет назад внезапно умер. Елена начала разбирать стопы бумаг и ахнула! Что ни лист – шедевр! Она и не подозревала, что долгие

годы жила с человеком, по уровню талантливости восходящим к гениальности. В силу растерянности попала под влияние ценителей «современного искусства», для которых ценны лишь изыски заумных поисков и умение так разливать краски по белому полотну, что в соитии цветов и теней, полутона можно было увидеть иные миры, «вселенскую философию». Простые «механические» опыты художника и стали основой его первой выставки – «Мир Георгия Акатова». Что об увиденном можно было сказать? Только поумничать.

Так бы и канул в небытие «заумный» Георгий, если бы не Татьяна Аркадьевна Пяточенко, дочь Аркадия Васильева, одного из лучших художников «старой школы» Воронежа. У него «тихий мальчик Жора» брал уроки, посещал студию.

– Среди учеников папы он ничем особенным не выделялся. Разве что только одним – чрезвычайной скромностью. После он как бы канул в «неизвестность». Изредка заходил к нам, дарил обычные наброски «из альбома» человека, умеющего рисовать.. Но вот тем, что мне на днях принесла Елена, вдова Георгия, я просто-напросто потрясена! Открытие! Он «ушел в себя» и оттачивал творчество до совершенства... Ни его родные, ни близкие, ни друзья даже не подозревали, что Георгий вырос в Мастера. Предельно высочайшая требовательность к себе... Мне трудно говорить о его работах, давать им оценку – это надо видеть...

«Это надо видеть...». Наследие Георгия Акатова надо изучать, «открывать» его не только для ценителей искусства, но даже для его близких друзей, сокурсников, сотрудников вычислительного центра, отделов завода «Электросигнал», ученых и педагогов агроуниверситета, где он с начала «перестройки» занимался программированием.

Вячеслав Иванович Котарев, нынешний ректор ВГАУ, почитатель поэзии Лермонтова, считает необходимым издать альбом работ художника и поэта. На страницах журнала представлена толика акатовских работ. Но каждая – из ряда особенного совершенства. Вдруг пробуждает в тебе чувства и мысли. О происходящем в твоей душе хочется поделиться с другими.

Георгий Акатов

Рисунки из блокнота Георгия Акаторва

К музыке живописи просится и музыка слов. Однокурсник Георгия Анатолий Каплан знаменит не только своим педагогическим мастерством математика-исследователя, но и сочинением музыки, вдохновенной, солнечной... Ничего удивительного в том, что его произведения написаны на слова Георгия и под вдохновением, полученным от его картин. Так что в будущем можем обрести редкостный по силе восприятия музыкально-живописный альбом... Каждый откроет в себе мелодию, рожденную пером и кистью современника из прошлых веков.

Георгий писал неплохие стихи, переводил Гейне на русский язык и Лермонтова – на немецкий. Кроме немецкого, в совершенстве знал еще несколько языков...

Представляем частицу того, чем жил Георгий. У всех со школьных лет отложилось лермонтовское «Бородино», проиллюстрированное в разные годы известными российскими художниками. И вот перед вами книжечка, «выпущенная» в единственном экземпляре Георгием Акаторвым. Это далеко не импровизация классического текста – соавторство с поэтом, сопереживание вместе с ним. Колossalная внутренняя работа!

В предисловии к «Герою нашего времени» Лермонтов писал: «...Не думайте, однако... что автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет с того, что болезнь указана, а как ее излечить – это уже Бог знает!»

Молодая мятущаяся личность, изломанная осознанием своей исключительности, – одна из

представительниц «лишних людей». И таковых в годы политических переломов, потрясений становится все больше и больше. Всё повторяется... Молодые люди, не увлеченные здоровыми идеями, пониманием сути патриотизма, созиданием в себе христианской любви к окружающему миру, поддаются уродующим душу бесчисленным «измам». Именно из этих «лишних людей», мнящих из себя непризнанных «героев времени», приходят лидеры революций, переворотов, мятежей, «майданов»...

Сам же Лермонтов, не философствуя, отвечает на извечный русский вопрос «Что делать?». Отвечает стихотворением «Бородино»:

...Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!...

...Не считающие себя героями, а всего-то – исполнителями воли Божьей:

Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы.

Извечные богатыри, исповедующие одну веру с любовью к Отечеству...

Однокурсник и друг Георгия профессор, математик международного уровня Владимир Костин, увидев рисунки Акаторва, не поверил своим глазам:

– Мы же с ним и по линии творчества сотрудничали – оформляли факультетские выступления на «Университетских веснах». Ничего особенного... Правда, однажды задержались в старом «красном» корпусе, где нам под оформительские работы выделили на ночь аудиторию. С заданием справились быстро – можно идти домой, а Жоре так понравились стены на фоне пейзажа за окном, что он молча, вдохновенно начал их расписывать! Я

пришел в ужас: «Что ты делаешь?! Нас же за это самоуправство по головке не погладят!».

Но пришлось до рассвета быть у него подмастерьем. Долгие годы именно эта аудитория (сейчас там читальный зал библиотеки) была в университете наполнена особым смыслом, которые несли в себе рисунки не оформителя, а настоящего Художника... И, вот, неожиданное его «Бородино», из вечности пришедшее в повседневность и навечно в этой повседневности оставлено – для славного будущего России.

А «Дуэль»?! У кого еще можно увидеть такую кровавую зарю, оплакивающую гения? Солнце в скорби над Солнцем русской поэзии. Ни штриха лишнего – все подчинено глубокой мысли, преодолению трагедии, постигшей каждого из нас...

Только теперь ясно, насколько он был требовательным к себе. Ничто не считал доведенным до совершенства, поэтому и не выходил со своим про чтением русской, немецкой, французской, итальянской, испанской и английской классики на суд общественности.

...Недавно свет увидели автобиографические миниатюры заведующего кафедрой аналитической химии госуниверситета Владимира Селеменева «Химия на бегу». В этой весьма полезной «книге-учебнике по жизни» Владимир Федорович приводит эпизод далекого детства. 1945 год. Ему 5,5 лет. Самые главные жизненные впечатления – пережитая война, ожидание возвращения с фронта совсем не знакомого отца, провоевавшего без отпусков и побывок. Голод. Родной «дядя Сережа», окончив семилетку, поступает в Новооскольский техникум механизации сельского хозяйства. По воскресеньям приезжал домой за продуктами. Вслух готовился к занятиям по литературе. Однажды учил «Бородино» Лермонтова. Каково же было удивление взрослых, когда утром Володька стал повторять не только «сценические импровизации» дяди, но с должным пафосом бравого солдата прочитал все стихотворение наизусть.

Великая сила поэтического слова, дававшая нам крылья сызмальства и на всю жизнь! Мой дед, когда служил в Питере, в массовых сценах пел вместе с Шаляпиным. Бас у Петра Степаныча был незаурядный. Вернулся в Козловку Бутурлиновского района, пел в церковном хоре, затем возглавил хор, в репертуаре которого были не только народные песни, но и произведения, исполнявшиеся в Мариинском театре. Зачастую репетиции проходили в доме моего деда.

Торжественная священная тишина. Как перед молитвой, решающей судьбу. И вдруг тихо – то ли с неба, то ли от ветра за окном и опускающейся темени ночи: «Скажи-ка, дядя, ведь не даром...».

Затем – ударила искра! Не пожар по земле, а превращение в песню, незримую силу духа сидящих передо мною дедов. Один сообщает новость – «Москва французу отдана», – остальные повторяют на разные голоса (выше, ниже: словами на рассвете, гром небесный – надо, братцы, разобраться!). Постепенно все выстраивается, и пошли, пошли, ведомые Господом (Его же во всем воля – манера церковного песнопения в сочетании с маршевыми переливами передавала это предельно точно)...

Вот он, кто поведет за собой: «Полковник наш рожден был хватом...». За ним – вперед! «И залпы тысячи орудий слились в протяжный вой!».

...Мы все вырастали из таких вот песен, стихов. И среди нас был тихий Жора Акатов. Необходимо издание его «Бородино». Не просто дань Лермонтову и памяти безвременно ушедшего художника, но сопровождение миниатюрами, подобными сюжету Селеменева, – детям, внукам нашим в наследство. У каждого должно быть свое «Бородино»!

В жестокий смертоносный декабрь 1942 года Михаил Кульчицкий, как никто иной, точно передал лермонтовскую суть подвига и обыденности:

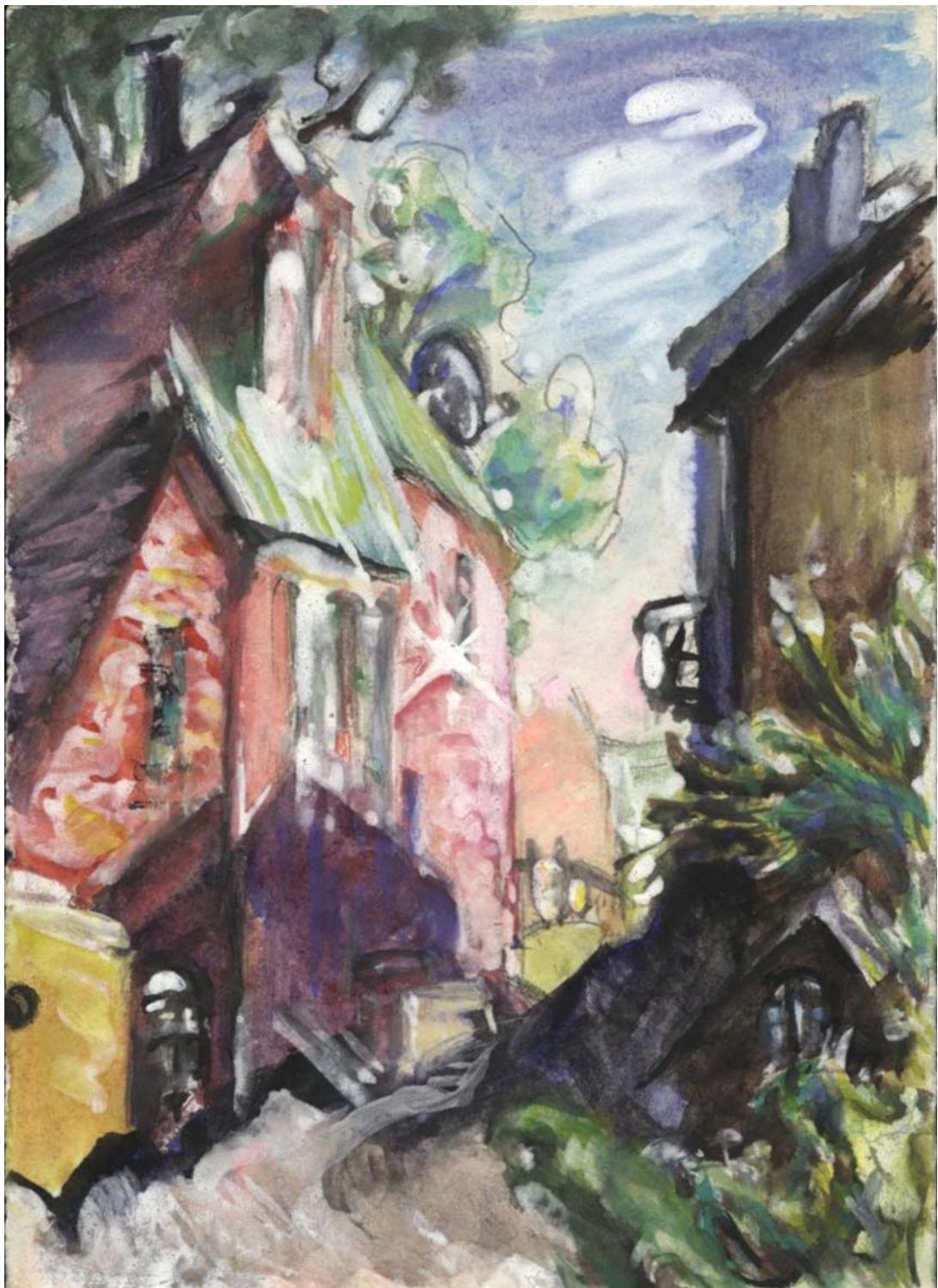
*Не до ордена. Была бы Родина
С ежедневными Бородино.*

Михаил Юрьевич в своих записках оставил точное определение причин готовности к ежедневному подвигу и стремления быть «героем нашего времени»: «Как прежде люди были просты: они знали только то, чему учились. Ныне, ничему не учась, все знают».

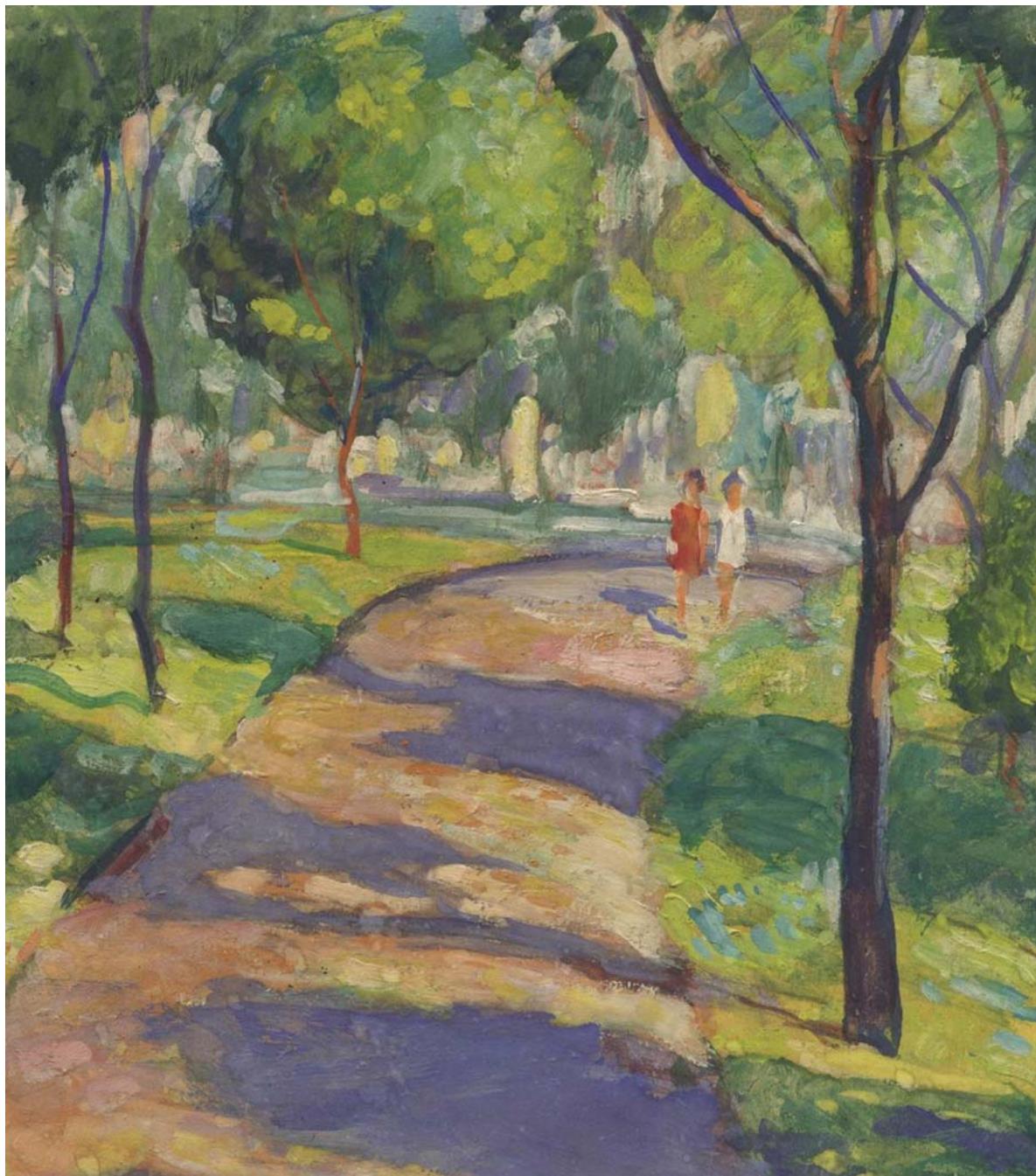
Великий Лев Толстой так осознал для себя роль лермонтовского стихотворения: «“Бородино” Лермонтова было зерном, из которого вырос роман “Война и мир”».

...Теперь мы имеем возможность видением Георгия Акатова открывать для себя Лермонтова, Пушкина, историю России, свое место на земле. Наследие им оставлено богатейшее!

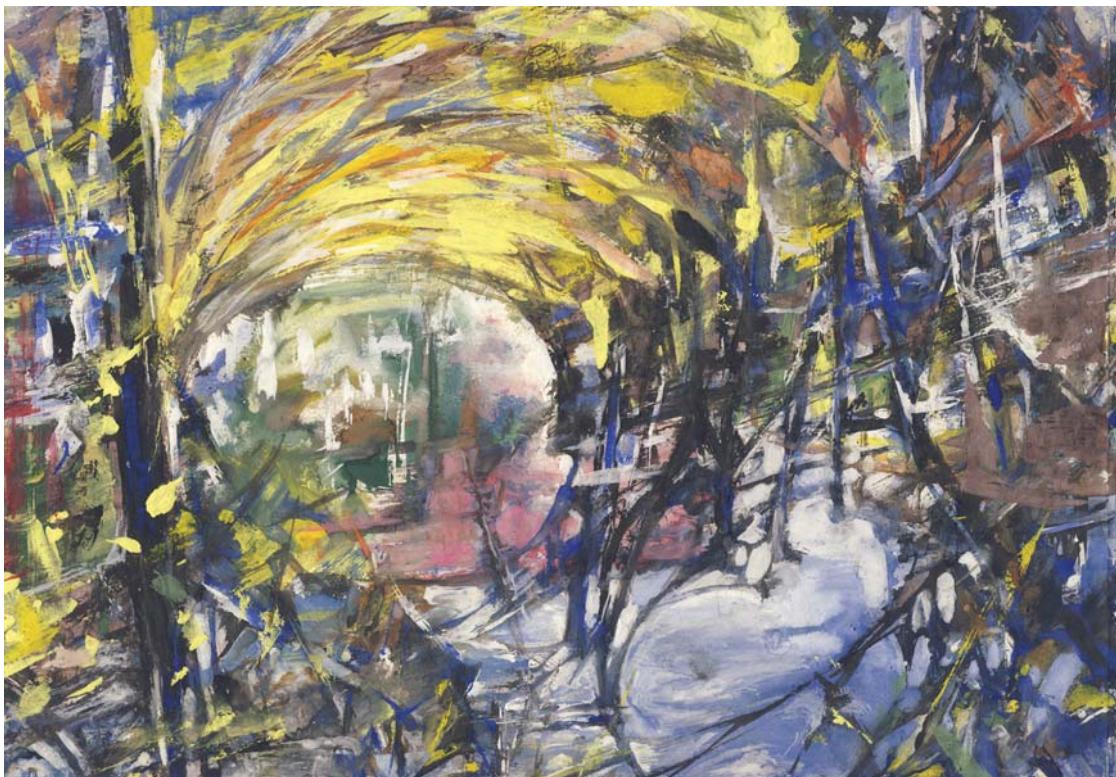
Работы Г. Акатова, представленные на вклейке, подготовила к печати Елена Михайлова, работавшая с Георгием в вычислительном центре ВГУ.

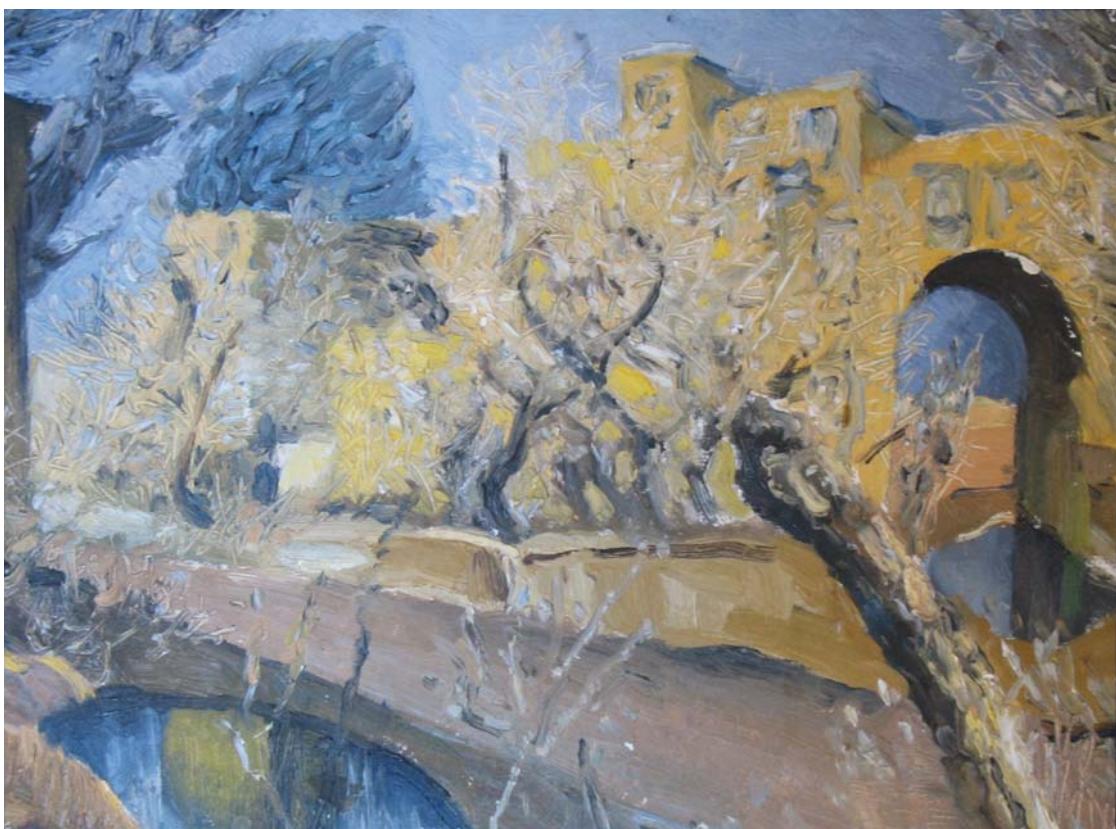
Улочка

Солнечный день

Фантазии

Арки

В саду

Осеннее солнце

Зимнее утро

Весеннее

Зимний вечер

Утро в лесу

И встали наши башмаки поле:
Есть разгуляться где на боле!
Поетроили редут.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!...

Иллюстрации к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Бородино»